

Нож уже приближался к цели, но Лу Сююань вовремя отвёл его, когда он находился на расстоянии около фута от бровей Шэнь Минхуана.

Лу Сююань перевёл руку с ножом за спину, а выражение его лица становилось всё более беспомощным: «Ты... постарайся пока скрываться».

С дядей, который славился своим мастерством в боевых искусствах, и учителем, который был скрытен, Лу Сююань успел перенять несколько приёмов.

Шэнь Минхуан потянулся: «Это просто неинтересное и скучное испытание. Уважаемый принц, вы уже пришли к каким-нибудь выводам?»

«Мы знакомы двадцать лет, а я и не подозревал, что ты изучал боевые искусства», — Лу Сююань подвинул вазу с нарезанными фруктами на столе в сторону собеседника.

Шэнь Минхуань взял лежащую рядом с ним серебряную вилку и, не прекращая жевать, ответил: «Что это такое? Мы двадцать лет знакомы, а я вот о "Зале пьющих орлов" даже не знал?»

Лу Сююань в недоумении поднял голову и торжественно спросил: «Когда ты узнал об этом?»

«Несколько дней назад. Не важно».

Лу Сююань некоторое время неотрывно смотрел на него, а потом сел напротив.

Чан Мао в замешательстве почесал голову, поняв, что, возможно, он всё не так понял. Он посмотрел на Шэнь Ана, который сжимал его когти, и нерешительно их отпустил.

Шэнь Ан вырвался из лап дьявола, рассерженно наступил на Чан Мао и тут же подбежал к главе своего рода, настороженно глядя на Лу Сююань.

Он не понимал, что значит «соблазнение». Он лишь видел, как Лу Сююань направил нож на Шэнь Минхуана!

Лу Сююань был немного рассеян и на мгновение не обратил внимания на Шэнь Ана.

Он пребывал в замешательстве: «Мин... возможно, ты прав».

Шэнь Минхуан поднял брови: «Конечно, я прав».

Хотя он не знал, к чему отсылает Лу Сююань, даже если весь мир не прав, то Шэнь Минхуань,

он-то в любом случае не может быть неправ.

«Без обещания моего отца я и правда не смогу самолично стать принцем», — со смешком сказал сам себе Лу Сююань.

В тот период, когда его низложили с поста Духовного короля, он много чего предпринял и много чего развёртывал. Он верил в свои способности, поэтому был уверен, что сможет это сделать.

Но он сделал так много, и, похоже, всего этого лишь хватило, чтобы сохранить ему жизнь.

— Жить для человека — такая естественная вещь, только ему приходится бороться, что ухватить возможность выжить.

Шэнь Минхуан кивнул в знак согласия и ласковым голосом его утешил: «Ничего страшного. Ты всё ещё можешь стать принцем».

Как резануло по сердцу! Чан Мао злобно зыркнул.

Лу Сююань забавно на него посмотрел, а в его игривости мелькнул намёк на серьёзность: «Это тоже выход, но если я не стану принцем, я могу умереть».

Шэнь Минхуан посмотрел на него, но ничего не сказал.

«Тебя это пугает? Но я не лгу. Как только полководец преуспеет, десятки тысяч костей сгниют, а если он захватит своего прямого потомка... костей под тронем дракона не меньше, чем под мечом полководца».

Поэтому, Мин Хуан, мой самый дорогой друг, пожалуйста, пока есть возможность, держись как можно дальше от этой смуты.

Шэнь Минхуан нахмурился и сказал: «Ты что, думаешь, я боюсь?»

«Я отнюдь не пытаюсь тебя недооценивать», — объяснил Лу Сююань. — «Хотя ты умён, есть вещи, которых ты никогда не испытывал. Ты не понимаешь, что некоторые ножи скрываются в темноте, их даже можно украсить, как нефритовые листья».

«Ха». Шэнь Минхуань ухмыльнулся.

В сознательном пространстве система закрыла глаза, не в силах больше на это смотреть.

Мой глупый мальчик, ты что, не знаешь, от скольких конфликтов во дворце за это время тебя уберёт Шэнь Минхуань? Как он мог этого не понять?

Слышится стук копыт.

Дорога, на которой находится Прощальный павильон, слишком узкая, чтобы по ней могло проехать слишком много людей.

Хотя полководец привёл с собой всего несколько сотен гвардейцев, он всё равно «торжественно» вывел «большую армию» с просторного государственного тракта, а сам поехал к Лу Жэню в небольшой павильон, чтобы забрать их.

Система подала сигнал тревоги и настоятельно напомнила Шэнь Минхуаню: [Хозяин, второй принц здесь. Перед моим хорошим мальчиком, пожалуйста, проявите некоторую сдержанность.]

Не проявляйте так явно свою неприязнь к второму принцу, иначе даже дурак заметит эту проблему. Если маленький мальчик заподозрит что-то неладное, разве этот персонаж не будет полностью разрушен?

[Не беспокойтесь.] Шэнь Минхуань был полон уверенности.

Хотя ему всегда нравилось идти против системы, он обязательно выполнит то, что обещает, в лучшем виде.

Ло Сюци издали увидел цветущую и яркую фигуру Ло Сююаня. Очевидно, он находился в состоянии упадка, и даже одежда, в которую он был одет, была чрезвычайно простой, но он все еще не мог удержаться от удивления, когда впервые увидел его.

Стоит, как орхидея и нефритовое дерево, улыбается, словно яркая луна на руках.

Ло Сюци заметил, что он на мгновение впал в ступор, и в его глазах промелькнул отблеск зла.

Когда он спешил, он уже притворился улыбающимся и намеренно сказал: "Брат император, в последнее время я был занят знакомством с военным делом, политикой и политикой. Я еще не навещал брата императора. Пожалуйста, простите меня".

"Что ты, ты предан служению стране, и я буду рад еще не скоро". Ло Сююань говорил спокойно, с легкой улыбкой, но Ло Сюци без причины услышал в ней намек на сарказм.

Ло Сюци вытеснил свой гнев из терпения. Краем глаза он заметил Шэнь Минхуаня, который наблюдал за шоу, и внезапно возгордился.

Ло Сююань, Ло Сююань, все хвалят тебя за твое необычное рождение и великодушие, которое заставляет людей следовать за тобой и убеждает их, но что теперь?

"Сэр, я заставил вас ждать". Ло Сюци намеренно продемонстрировал свои дружеские отношения с Шэнь Минхуанем.

Бог знает, это то, чего Шэнь Минхуань больше всего ждал с тех пор, как нашел у него убежище.

Богатство и почести не возвращаются в их родной город, как прогулка в парче по ночам.

Демонстрация своей силы, не показывая ее открыто, подобна жемчужине, бросающей тень на лицо.

Шэн Минхуань, размахивая веером, остановился и сосчитал время, наполовину искренний, наполовину сожалеющий: "Все в порядке, я долго не ждал".

Вспомнив слова системы, он в своей обычной манере добавил: "Кроме того, сколько бы вы ни ждали, это правильно, так как я ваш хозяин, Ваше Высочество".

Ло Сюци чуть не летал от радости.

После столь долгого знакомства с ним это был первый раз, когда Шэн Минхуань был так добр к нему, и это также был первый раз, когда он признал его своим хозяином.

Дай мне папайю, а взамен дай мне Цюнцзюй. Всегда хорошо получать вознаграждение от бандита!

"Я не разочарую вас, сэр". Ло Сюци был чрезвычайно взволнован и остро нуждался в том, чтобы сделать что-то, чтобы выразить свое волнение.

Он взял нож на столе и с улыбкой сказал: "Личи в это время года встречаются редко. Я не ожидал, что их можно найти здесь. Личи сладкие, но кожура горькая. Я очищу их для вас".

"Не надо!" Шэн Минхуань подумал про себя. Его руки выглядели нечистыми, и он не стал бы есть личи после того, как очистит их, так что не стоит тратить фрукт. В конце концов, ему очень нравился вкус личи.

Он с отвращением сказал вслух: "Как же Ваше высочество со своим богатым телом может делать такое?"

"Мой муж и я едины в мыслях, но незнакомы друг другу, когда говорим о нашей личности". Сначала Ло Сюци был не очень решителен, но после того, как Шэн Минхуань убедил его, он стал более решительным.

Шэн Минхуань выглядел слегка нетерпеливым и, очевидно, был на грани гнева. Система поспешно попыталась успокоить его: [Хозяин, все в порядке, хозяин, вы можете придумать что-нибудь хорошее! Я терпел это так долго, я не могу сдаться сейчас.]

[Ты прав.] Шэн Минхуань усмехнулся: [Еще рано, не беспокойся, Ло Сюци... хе-хе.]

Система вздрогнула.

Поверхностно, эта картина по-прежнему очень гармонична, и если её распространить, то она войдёт в десятку самых красивых историй о монархах и министрах.

Чан Мао незаметно посмотрел на Ло Сююаня и в растерянности опустил голову.

Выражение лица Ло Сююаня действительно было тронуто, но не по той причине, которую представлял себе Чан Мао.

Он вспомнил, что несколько дней назад к нему приходил Шэн Минхуань, который нашёл приют у Ло Сюци.

Этот человек медленно шёл по мёртвой траве усадьбы князя Лин, с живым выражением лица и действиями, что шли от сердца. Он смеялся и ругался над ним совершенно без стеснения.

Одетый в белое, он был самым ярким цветом в мире.

Сегодня этот человек всё ещё одет в белоснежные одежды Шэнсюэ с чистыми бровями и светлыми глазами. Он сдержанно приближается и удаляется по отношению к Ло Сюци и соблюдает этикет.

Ло Сююань не может видеть сквозь людские сердца, но у него нет недостатка в друзьях. Он знает, что значит общение между друзьями.

По крайней мере, оно должно быть свободным, непринуждённым и расслабляющим...

Можно без стеснения рассказывать о своих радостях и тревогах, а также без оговорок проявлять свой скверный характер.

Те тривиальные заботы, которых лишены люди, те утешения и критика, которые другие не могут выразить, — это смысл существования друзей.

Если тщательно обдумывать каждое слово, взвешивать всё, говорить что-то неискреннее и соблюдать сдержанность в том, что хочется сделать, то что это за друг?

Скрытая радость тихо наполнила сердце Ло Сююаня.

Даже если их позиции различны, даже если они пойдут разными путями, даже если у этого человека есть другие варианты, всё равно—

Они по-прежнему отличаются друг от друга.

Система вдруг почему-то почувствовала беспокойство. Она дважды проверила алгоритм и наконец вздохнула с облегчением.

Эта волна, она может дать ведущему полные баллы, идеальный результат!

Это может также резко контрастировать с невежливым поведением ведущего, когда он несколько дней назад отправился в Усадьбу Линван, что ещё больше подчёркивает основательность «предательства» Шэнь Минхуаня».

Вот только жаль его, чуть не плачет.

Ло Сюци, стоявший в стороне, всё ещё боролся с фруктом. Благородный молодой господин, ни разу не прикасавшийся к Янчунышуй, с самого детства никогда не делал подобного.

Он сдался после двух символических надрезов, оставив кусок фрукта с косточкой.

С тем, что получилось, он ничего не мог поделать, но ему было немного неловко, ведь он только что так уверенно говорил.

Шэнь Минхуань опасался, что он действительно станет настаивать, поэтому он напрямую сменил тему: «Ваше высочество, уже поздно, давайте отправимся».

«Хм? Не торопитесь. Сударь, можете немного посидеть и отведать пирожных. Яньлин не нужен, чтобы отправиться на границу. Военный лагерь прост. Боюсь, я обижу Вас, сударь». Ло

Сюци хотел остаться подольше, чтобы оценить печаль своего брата. Взгляд, претерпевающий боль.

Шэнь Минхуань напомнил ему: «Если Вы не уйдёте, то не сможете догнать армию. Общая ситуация важнее, Ваше высочество».

Ло Сюци всё понял. Ло Сюци не хотел уходить. У Ло Сюци появилась идея: «Тогда почему бы Вам не отдать эти фруктовые пироги императорскому брату! Не думаю, что он теперь может их есть. Не беспокойтесь, сударь, я не воспользуюсь этим случаем. Я готов заплатить за них. Куплю вдесятеро дороже».

«...» Шэнь Минхуань подумал, что этот метод мести действительно детский. Как кто-то может считать дарение денег унижением? Может быть, Вы хотите, чтобы Ваши враги испытали проблемы «внезапного обогащения»?

Он не хотел обращать на это внимания. В конце концов, господин Шэнь никогда не испытывал недостатка в деньгах в своих двух жизнях. Он только собрался выбросить их, как вдруг вспомнил, что пытки, которые он претерпел сегодня, были целиком из-за Ло Сююаня!

Если бы не присутствие Ло Сююаня, ему бы вообще не пришлось притворяться и не пришлось бы заставлять себя быть милым по отношению к Ло Сюци.

«Ваше Высочество, не переводите еду». Шэнь Минхуань взглянул на некрасивые кусочки фруктов на столе и весело рассмеялся.

Ло Сююань посмотрел на жизнерадостное выражение лица другого человека с изогнутыми бровями и беспомощно ответил: «Хорошо».

<http://tl.rulate.ru/book/108792/4035516>